

Через несколько дней, как раз в годовщину смерти, зарядил мелкий летний дождь. Шэнь Яо, одетый во все черное, отказался от сопровождения личной охраны и сам нес над собой строгий темный купол.

Он держал зонт рассеянно, не заботясь о защите. Мелкая, частая водяная взвесь колыхалась на ветру, легко проникая под шелк купола и оседая прохладной росой на плечах юноши.

За белизной надгробий высилась плотная стена раскидистых старых деревьев с пышными кронами. Семья Шэнь никогда не отличалась многочисленным потомством, поэтому на тихом частном кладбище не было ни души — лишь они сами да молчаливые охранники, замершие поодаль.

Шэнь Яо стоял позади всех. Он опустил ресницы, и взгляд его темных, глубоких глаз в этот ненастный день казался подернутым зыбкой туманной дымкой.

Чуть приподняв голову, он посмотрел на стоявших впереди Шэнь Фулиня и Шэнь Шэньмяня.

У Шэнь Фулиня подрастал еще один сын — альфа, на которого тот возлагал огромные надежды, мечтая вырастить из него достойного преемника. Поскольку успеваемостью Шэнь Минжи никогда не блистал, отец отослал его за границу еще в раннем возрасте, надеясь на строгую дисциплину зарубежного пансиона.

Однако вдали от родительского надзора Минжи лишь почувствовал абсолютную свободу. Уверенный в том, что все семейное наследие Шэнь рано или поздно беспрепятственно перейдет к нему, он безвылазно тонул в угаре бесконечных кутежей и праздного разврата, наведываясь на родину лишь изредка, к Новому году.

Только в эти краткие периоды Шэнь Яо и доводилось с ним пересекаться. При встрече Минжи всегда вел себя развязно: вздергивал бровь и небрежно бросал:

— Брат.

В этом обращении не было ни капли искреннего родственного тепла. Пусть он не исходил глухой злобой к Шэнь Яо, как Шэнь Шэньмянь, но презирал его ничуть не меньше.

Каждое его возвращение домой неизменно оборачивалось суровой головомойкой от отца. Минжи пропускал упрёки мимо ушей, они вдвоем быстро переходили на крик, и все заканчивалось грандиозным скандалом.

В наказание разгневанный Шэнь Фулинь блокировал сыну банковские карты. И лишь тогда Минжи, нацепив угодливую маску, шел на поклон к Шэнь Яо, чтобы перехватить денег.

Шэнь Яо не испытывал нужды в средствах и всегда давал брату нужные суммы, не выдавая его

перед дядей.

Дождь и не думал утихать. Шэнь Яо передал зонт стоявшему рядом телохранителю, позволяя укрыть себя от сырости.

Взяв только что зажженные поминальные благовония, юноша наконец сделал шаг вперед, оказавшись вплотную к надгробию. Пелена прохладной влаги очищала взор. Лицо Шэнь Яо оставалось бесстрастным, когда он склонился, чтобы почтить память покойного деда, старейшины Шэнь Чэня.

Вслед за его движением наклонился и черный зонт, краем укрывая его лоб от косых струй. От этого поклона на бледную щеку Шэнь Яо упало несколько дождевых капель, застывших на коже чистыми хрустальными бусинами.

В воздухе разлился густой, терпкий аромат сандала. Шэнь Яо двигался неторопливо, и на его пальцы осыпалось немного белесого пепла, который он тут же бережно смахнул.

Выпрямившись, он перевел взгляд чуть в сторону.

Рядом с могилой деда покоились его родители. При жизни они горячо любили друг друга, поэтому их похоронили в одной могиле, а овальный портрет на камне до сих пор оставался чистым и нетронутым временем. Шэнь Яо унаследовал лучшие черты обоих родителей — в его тонком лице легко угадывались и отцовские, и материнские черты.

Шэнь Фулинь с напускным сочувствием в голосе произнес:

— Яояо, не хочешь сказать несколько слов родителям?

Шэнь Яо даже не шелохнулся. Он лишь скользнул равнодушным взглядом по холодному граниту и молча качнул головой.

Узнав, что Шэнь Яо сошелся с Янь Чжисином, Шэнь Фулинь заметно присмирел. Он не только стал вести себя подчеркнуто вежливо при встречах, но и прекратил свои грязные интриги за спиной племянника.

Однако сегодняшняя холодность Шэнь Яо задела его самолюбие. Шэнь Шэньмянь, до смерти боясь промокнуть под дождем, поспешил уйти раньше всех, так что по дорожке кладбища теперь шли только они двое — Шэнь Фулинь впереди, а Шэнь Яо чуть поодаль.

Отослав охрану подальше, Шэнь Фулинь неторопливо заговорил:

— Шэнь Яо, неужели ты думаешь, что раз прыгнул в постель к Янь Чжисину, то теперь

полностью в безопасности?

Он до сих пор ума не мог приложить, как этому жалкому мальчишке удалось окрутить столь влиятельного альфу прямо у него под носом. Когда Янь Чжисин лично явился в дом семьи Шэнь, Шэнь Фулинь едва совладал со своим лицом от изумления.

Раз уж господин Янь пожелал забрать этого омегу, перечить ему Шэнь Фулинь не посмел. Он слишком мало знал о характере и делах Янь Чжисина и совершенно не понимал, питает ли тот к юноше искренние чувства или просто увлекся красивым личиком.

Его собственный подпольный теневой бизнес требовал абсолютной секретности. Не желая рисковать, Шэнь Фулинь тогда лишь нацепил натянутую улыбку и закивал:

— Конечно, все зависит от чувств нашего Яояо к господину Яню. Мы, старшие, ни в коем случае не станем принуждать ребенка против его воли.

Кто бы мог подумать, что они действительно сойдутся? Теперь Янь Чжисин повсюду открыто появлялся в сопровождении Шэнь Яо. Какими бы мотивами ни руководствовался этот могущественный альфа, Шэнь Яо стал первым омегой, чью связь с собой тот признал публично.

Пока над головой парня простирался надежный щит покровительства Янь Чжисина, Шэнь Фулинь приходилось тщательно сворачивать и прятать все свои темные делишки.

Лишь когда на лице племянника вновь проступала привычная растерянность и беспомощность, Шэнь Фулинь обретал относительное душевное спокойствие. Окинув юношу ледяным взглядом, он процедил:

— Не забывай, Шэнь Яо: мне прекрасно известно все о твоём грязном прошлом.

Лицо Шэнь Яо тут же послушно побледнело. Он выглядел до того хрупким и уязвимым, словно угроза дяди и впрямь до смерти напугала его.

Они вернулись из частного кладбища только к полудню. Шэнь Фулинь настоял на том, чтобы племянник остался на обед. Служанка приготовила множество изысканных блюд, но у Шэнь Яо по-прежнему не было аппетита. Стоило ему пару раз потянуться палочками к одной из тарелок, как Шэнь Шэньмянь тут же бесцеремонно перетянул ее к себе.

Шэнь Яо давно привык к подобным детским капризам кузена: тому непременно нужно было забрать все, что принадлежало Шэнь Яо.

Еще в детстве, стоило Шэнь Яо увлечься танцами, как Шэнь Шэньмянь тут же со слезами и криками потребовал отдать его в ту же студию. Правда, прозанимавшись от силы пару недель, он заныл от усталости и бросил это дело, не выдержав нагрузок.

За нынешнюю выходку за столом Шэнь Шэньмянь тут же схлопотал строгий выговор от отца.

Обиженно надувшись, кузен уткнулся в свою тарелку, яростно тыча в рис палочками. Он искренне считал себя без вины виноватым, полагая, будто это Шэнь Яо нагло крадет у него крохи родительской любви.

Шэнь Фулинь демонстративно пододвинул блюдо обратно к Шэнь Яо, но у того окончательно пропало желание есть. Кое-как проглотив несколько кусочков, юноша отложил приборы.

Дядя недовольно нахмурился, изображая отеческую заботу:

— Яояо, почему ты так мало ешь? Разве можно этим наесться?

Лицо Шэнь Яо все еще хранило болезненную бледность — он мастерски разыгрывал слабость, показывая, что так и не оправился от недавних угроз. Выдавив из себя вымученную, слабую улыбку, он тихо произнес:

— У меня немного кружится голова и совсем нет аппетита. Пожалуй, я поднимусь к себе и прилягу.

Едва за ним закрылась дверь спальни, притворная слабость мгновенно сошла с лица Шэнь Яо.

Его старая комната в усадьбе ничуть не изменилась — здесь он провел все детство вплоть до окончания старшей школы. Когда Шэнь Шэньмянь на днях упомянул имя Гуань Шу, Шэнь Яо внезапно вспомнил, что в этих стенах до сих пор хранится одна старая вещь.

Распахнув шкаф, он отыскал в самой глубине неприметный сейф с кодовым замком. Шэнь Яо быстро набрал знакомую комбинацию цифр. Внутри лежал стеклянный кубок. Форма его была довольно простой, даже грубоватой, однако вещь берегли, сдувая пылинки.

На его основании красовались две надписи.

Имя "Гуань Шу" было выгравировано ровными, аккуратными печатными буквами. А вот примостившееся рядышком ласковое "Яояо", очевидно, принадлежало руке совсем другого мастера.

Тот, кто наносил эти знаки, подошел к делу с душой и крайним прилежанием, пусть даже его почерк разительно отличался от первого: размашистый, дерзкий, упрямый, напоминающий дикую траву под порывами ветра.

После расставания Шэнь Яо безжалостно избавился от всего, что хоть как-то напоминало ему о Гуань Шу. Но тогда, наводя порядок в вещах и наткнувшись на этот кубок, он долго молча

смотрел на него — и в итоге так и не смог поднять руку, чтобы выбросить.

Этот кубок был подарком Гуань Шу.

Шэнь Яо получил его во время знойных летних каникул после десятого класса.

Днем столбик термометра на улице подбирался к сорокаградусной отметке, и дышать становилось легче лишь глубокой ночью. Шэнь Яо как раз собирался принять душ, когда его мобильный ожил — звонил Гуань Шу, бесследно пропавший три дня назад.

Перед тем как исчезнуть, тот с таинственным видом обмолвился, что затевает какое-то грандиозное дельце.

Их школьный роман приходилось тщательно скрывать от взрослых. Чтобы не привлекать лишнего внимания к особняку семьи Шэнь, Гуань Шу всегда ждал его поодаль, на безопасном расстоянии. Когда Шэнь Яо неспешно дошел до условленного места, парень уже давно подпирал плечом столб под тусклым светом уличного фонаря.

Высокий, широкоплечий Гуань Шу небрежно прислонился к матово-черному корпусу тяжелого мотоцикла, засунув руки в карманы. Одетый в простую черную футболку и армейские брюки, заправленные в массивные берцы, он казался еще выше и мощнее. Одно его присутствие так и дышало первобытной, бьющей через край альфа-энергетикой.

Раньше он стригся почти налысо, но стоило Шэнь Яо как-то раз посетовать, что слишком короткие волосы колют пальцы, как Гуань Шу, хоть и огрызнулся тогда востропанным псом: «Не нравится — не трогай!», втайне тут же принялся отращивать шевелюру.

Длинными его волосы назвать было нельзя, но они хотя бы больше не напоминали жесткую щетку.

Завидев тонкий силуэт Шэнь Яо в конце улицы, Гуань Шу не выдержал и рванулся навстречу. Широкими, нетерпеливыми шагами он сократил расстояние между ними и первым же делом крепко сгреб юношу в охапку.

Он был на полголовы выше Шэнь Яо, поэтому ему приходилось немного склоняться, чтобы устроить подбородок на плече любимого. Размах его плеч и рост позволяли без остатка укрыть Шэнь Яо в этих надежных объятиях.

— Ну почему ты вечно заставляешь меня ждать? — негромко заворчал он, утыкаясь носом в шею омеги. — Я тут уже всех местных комаров собой накормил.

При всей своей привлекательности Гуань Шу обладал на редкость хищной, агрессивной красотой. Тонкий шрам, рассекавший его левую бровь надвое, придавал лицу еще более суровый, разбойничий вид.

Тяжелые веки без складок, упрямый разлет бровей и высокая переносица делали его взгляд сверху вниз невыносимо тяжелым и давящим. Парень походил на обнаженный клинок — опасный и безжалостный. В школе сверстники старались обходить его стороной, робея под этим взглядом.

Но Шэнь Яо ни капли его не боялся. Вдохнув поглубже, он уловил свежий, мыльный аромат геля для душа. Очевидно, Гуань Шу за день взмок до нитки, но перед свиданием тщательно вымылся — прекрасно зная, что капризный омега терпеть не может посторонних запахов.

Оставаясь крайне довольным такой заботой, Шэнь Яо ласково провел ладонью по его затылку, точно умиряя грозного цепного пса:

— Тогда в следующий раз предупреждай меня перед выходом. Я соберусь пораньше и сам тебя подожду.

Гуань Шу насупился, силясь сохранить грозный вид, но лишь невнятно буркнул под нос:

— Еще чего... Чтобы я заставил жену ждать...

С этими словами он крепко переплел свои пальцы с тонкими пальцами Шэнь Яо и потянул его к мотоциклу.

Идя следом, Шэнь Яо не расслышал тихий бормот альфы и с любопытством переспросил:

— М? Что ты сказал?

Гуань Шу промолчал.

Ему было неловко повторять сказанное. Он одновременно злился на Шэнь Яо за невнимательность и безумно смущался собственной нежности. Напустив на себя максимально суровый вид, он подхватил парня под мышки и легко устроил его на высоком заднем сиденье мотоцикла.

В его руках не было бугристой горы мускулов, но сухожилия и мышцы отличались поразительной крепостью. Шэнь Яо весил так мало, что для рослого альфы поднять его не стоило ни малейших усилий.

Достав белый шлем, Гуань Шу склонился над юношей и с величайшей осторожностью натянул

его на аккуратную голову омеги, бережно поправляя ремешки.

Шэнь Яо послушно замер, принимая эту заботу как должное. Когда шлем защелкнулся, от его лица остались видны лишь блестящие темные глаза.

Но упрямый омега все еще помнил о недосказанном. Ухватившись тонкими пальцами за край черной футболки Гуань Шу, он лукаво прищурился сквозь защитное стекло:

— Ну так что ты там пробормотал, а? Расскажи.

Гуань Шу на мгновение замер. О его внезапном волнении можно было догадаться лишь по тому, как судорожно дернулся его кадык.

Он уперся ладонями в сиденье по обе стороны от бедер Шэнь Яо, заключив его в живое кольцо. На фоне его смуглой, золотисто-бронзовой кожи запястья омеги казались совсем белыми, почти прозрачными.

Гуань Шу нервно облизнул пересохшие губы. Несмотря на глубокую южную ночь и природный загар, густая краска смущения мгновенно залила его щеки и уши.

— Говорю... — Он запнулся, шумно прочистил горло, смущенно потер нос тыльной стороной ладони и, наконец собравшись с духом, отчетливо выговорил на одном дыхании: — Где это видано — заставлять собственную жену ждать?

Серебристый лунный свет мягко очертил резкие, упрямые скулы юноши, стирая с его лица маску суровости и обнажая затаенную, еще совсем незрелую нежность.

<http://bllate.org/book/18245/1748447>